



Вадим Люк

МЕДНЫЙ
БОГ

16+

Вадим Люк

Медный бог

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63027883

SelfPub; 2020

Аннотация

Тайное и необъяснимое всегда где-то рядом. И чтобы его увидеть, нужно лишь внимательно посмотреть вокруг... Короткие истории из жизни.

Содержание

Медный бог	4
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Вадим Люк

Медный бог

Медный бог

Пролог

Эту историю, слышанную ещё от своего отца, мне пере-
сказал мой дед, едва я пошел в первый класс и, конечно,
ещё не подозревал, что когда-нибудь захочу стать писателем.
Помню, как потряс меня финал повести: жестокий и нере-
альный! Но прошли годы, и другие, более важные интересы
и дела, захлестнули молодую, ищущую опыта, душу. Собы-
тие, так долго и неприятно волновавшее меня, стерлось из
памяти и, может быть, так и осталось где-то за чертой созна-
ния, если бы не одно недавнее происшествие. Я встретил ста-
рого деревенского друга (школьные каникулы я всегда про-
водил в деревне), который сообщил, что моя хорошая зна-
комая, а точнее – подруга детства, «померла ещё тринадца-
ти годов»... И он рассказал странную и страшную историю,
конец которой показался мне настолько нереальным и нена-
вистным, что почти мгновенно, вопреки своей воле и даже,
наоборот, употребив всю волю против, я до мельчайших по-
дробностей представил события, о которых когда-то поведал
мой прадед... Семен Иванович Силаев, купец первой гиль-

дии, человек добрый, образованный и, несомненно, правдивый.

1

Иван Петрович купил это сверкающее чудо дорого. Очень дорого. Сосед, зная страсть Галушкина ко всяким безделицам такого рода, задал настолько неприличную цену, что любой другой бежал бы от неприятного продавца или, по крайней мере, сказал ему что-нибудь дерзкое. Так поступил бы каждый, но не Иван Петрович. Услыхав о редком раритете от бабки Николаихи – хитрый сосед! – Галушкин сначала побледнел, затем, держась за выпрыгивающее сердце, присел на скамью и только потом тихо, недоверчиво переспросил:

– Семнадцатый век?

Николаиха сочувственно покачала головой.

Через несколько дней в доме у Галушкиных появился и сам сосед Селедкин. Это был длинный, тощий тип с прилизанной прической и мелкими, липкими глазками.

– Да, самовар, – сказал он, царапая ногтем белую клеенку. – Семнадцатый век. Так сказать от предков... Вещь.

– Сколько? – глаза у Ивана Петровича сверкали как у влюбленного цыгана. – Сколько? – В эту минуту он готов был заложить все: дом, сад, душу...

– Договоримся, – промямлил Селедкин и надел скользкую зеленую фуражку.

– Когда?!

– Скоро.

Два дня Галушкин ходил сам не свой. Как тяжелая шаровая молния плавал он по дому в поисках жертвы. Его жена Вера, зная в муже эту странную и страшную страсть, благо-разумно молчала. Единственная и любимая дочь Маша, всегда так трогательно обожавшая отца, боязливо прижималась к матери и огромными глазами, полными слез, обиженно и недоверчиво следила за каждым шагом Ивана Петровича. Последнее обстоятельство бесило Галушкина больше всего.

– Вера! – проскрипел он, не взглянув на жену. – Я заложу дом.

Вера вздрогнула, крепко прижала Машу. Бледное, тонкое ее лицо стало почти прозрачным.

– Хорошо...

– Ты пойми, эта вещь – моя! Моя!!! – В шкафу зазвенел хрусталь.

– Хорошо... Я согласна, – голос Веры зазвучал тверже. – Мы уйдем.

– Но пойми, Вера. Это все временно, это ненадолго, это всё так, мелочи, мелочи!.. – Трясущимися руками Галушкин подписывал какую-то бумагу.

2

Приближался день платежа. Закладывая дом, Галушкин не был уверен в том, что найдёт к сроку необходимую сумму. Если сказать честно, то это его и мало интересовало: в тот момент у него была лишь одна цель... Но получив желае-

мое, Иван Петрович вспомнил о семье. Вот уже несколько дней он не видался с женой и дочерью. Что-то похожее на нежность стало всё чаще появляться в душе у Галушкина. Сладкое, щемящее чувство особенно обострялось, когда он думал о Маше. «Как она там?» – спрашивал он себя по вечерам, когда, вдоволь насмотревшись на своего медного идола, начинал возвращаться к действительности. И вдруг как нож в сердце: «Через неделю – платеж!».

Как-то утром, заглянув в календарь, Галушкин вздрогнул и безвольно опустил плечи. «Завтра – так завтра...». Он прилёг на диван и о чём-то задумался. Неожиданно Иван Петрович вспомнил о сабле из дамасской стали, которую купил так, от нечего делать, недорого, даже не подозревая о ценности предмета. Но когда один из знакомых, страстный любитель и знаток оружия, хотя и не коллекционер, увидел саблю, вещь эта заняла в доме Галушкина достойное место. «Как же я мог забыть о ней!» – радостно подумал Иван Петрович. В этот момент за окном послышался шум.

Выглянув во двор, Галушкин сначала оглох, потом – ослеп. Толпа смуглых, шумных людей в белых чалмах и накидках что-то пыталась объяснить старому глуховатому садовнику. Впереди всех стоял стройный араб в ярком халате, расшитом ослепительными звездами. Огромные прозрачные перстни на пальцах и гордый вид незнакомца говорили о его высоком положении. Быстро взглянув на Ивана Петровича,

он оттолкнул старика и почти без акцента произнес:

– Сабля... Дамаска...

Всё остальное было, как во сне. Принц цокал языком, рассыпал по зелёному сукну драгоценности, снимал перстни... Через пятнадцать минут Галушкин сидел один, обхватив голову руками, а из дверей в кабинет испуганно высовывался садовник, пожирая слезящимися глазами созвездие из бриллиантов, небрежно разбросанных по огромному письменному столу.

Галушкин спешил. Запыхавшись, он, было, остановился у грузных дверей городского банка, но распахнул их, взлетел по мраморной лестнице и только здесь отдышался. Управляющего на месте не оказалось, и Иван Петрович ворвался к заму. Бросив на стол несколько украшений, одним из которых был перстень с крупным бриллиантом, и положив перед изумлённым чиновником бумагу с печатью банка, Галушкин молча вышел. Разобравшись в чём дело, замуправляющего сначала рассердился и хотел послать за странным клиентом, но сделав в уме кое-какие расчеты, оставил свою затею и, закрывшись на ключ, долго гремел дверцами личного сейфа, насвистывая веселенькую арию.

Иван Петрович выскочил на улицу, но звук арии не только не стих, но даже, наоборот, усилился, становясь все развязнее и фальшивей. Наконец свист стал совсем невыносимым, Галушкин закричал... и проснулся.

Имея страсть к старинным вещам, Иван Петрович всегда находил себе оправдание: «Третьяковы тоже картины покупали...». Да, может быть он более, чем другие, принимал и ценил власть денег, но опять же только когда они требовались на удовлетворение его истинной страсти. «Мы – хранители старины», – любил повторять он, где-то прочитанную и довольно затасканную газетчиками фразу. Поэтому в первое мгновение мысль о казино показалась ему дикой и даже кощунственной. «Как же: я, Галушкин, среди шулеров и бандитов!...» Приблизительно в таких размышлениях прошел день, а вечером Иван Петрович пересчитал остатки кредита, осторожно побрил бороду и щёки, надел белоснежную сорочку, черную тройку и новые туфли. Оглядев себя в зеркале, он кисло улыбнулся и направился к выходу.

Домой Галушкин вернулся далеко за полночь. Сунул пухлый бумажник под подушку, налил стакан водки, залпом выпил его и упал в кровать.

Едва рассвело, Иван Петрович ринулся в сторону тётчиного дома. Взбежав по ступеням, он очутился в тёмном коридоре и чуть не столкнулся с матерью Веры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.